

лий, Лермонтов, Луконин, Кампанелла, Бодлер и др.; Брежнев, Гитлер, Кутузов, Суворов и др.; Бетховен, Седой; Лассаль, Савонарола; Луначарский, Лаваль, Даладьё и мн. др.).

Заключение. Наряду с номинативной, идентифицирующей и дифференцирующей функциями, которые выполняют антропонимы в речи, в рамках художественного дискурса данные номинативные единицы становятся главным структурным элементом и приобретают текстообразующую функцию. Благодаря всевозможным коннотациям литературные антропонимы углубляют авторский замысел, способствуют формированию оценочных суждений, оказывают эмоциональное воздействие, служат социокультурным знаком, задавая при этом пространственно-временные рамки и вызывая у читателя ощущение реальности созданных образов.

Список литературы

1. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: В 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: ПИК "Офсет", 1997–1998.
2. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В.А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
3. Фоянкова, О.И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие / О.И. Фоянкова. – ЛГУ, 1990. – 104 с.

ЭВОЛЮЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Л.И. Шевцова, А.Е. Штайнбауэр
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Незаурядная личность М. Волошина, поэта-путешественника, поэта-историсофа, поэта переходной эпохи, определяет наш интерес к изучению субъектной сферы его лирики. Эволюции творчества М. Волошина посвящены, прежде всего, работы С. Пинаева [1]. Однако субъектная сфера поэзии Волошина до сих пор не являлась предметом специального исследования.

Цель - проследить за изменениями в субъектной сфере поэзии М.А. Волошина.

Материал и методы. Материалом послужили все поэтические произведения Волошина. Методы исследования – количественный и аналитико-синтетический, которые позволили произвести количественную дифференциацию разновидностей лирических субъектов в поэзии Волошина, а затем проанализировать и обобщить полученные результаты.

Результаты и их обсуждение. В современных исследованиях субъектной сферы лирики различаются следующие разновидности лирических субъектов: 1) герой ролевой лирики, 2) лирический повествователь, 3) лирическое «я», 4) лирический герой [2; 3]. *Герой ролевой лирики* – это тот субъект, который открыто выступает в качестве «другого», героя, близкого, как принято считать, к драматическому. В стихотворениях с *лирическим повествователем* «экспрессия выражается через внесубъектные формы авторского сознания: высказывание принадлежит третьему лицу, а субъект речи грамматически не выражен» [3, с. 343]. При такой форме высказывания создается наиболее полная иллюзия неразделенности говорящего на автора и героя. В отличие от повествователя *лирическое «я»* имеет грамматически выраженное лицо, но при этом «не является объектом для себя. На первом плане не он сам, а какое-то событие, обстоятельство, ситуация, явление» [3, с. 343]. В стихотворениях с *лирическим героем* сам лирический герой становится собственной темой.

Уже в первой книге Волошина «Стихотворения. 1900–1910» появляется ключевой мотив его творчества – мотив пути, который выражен в охватившем поэта чувстве полноты бытия: «Все видеть, все понять, все знать, все пережить...». В строках этого стихотворения сформулирована жизненная программа молодого поэта: путешествовать, познавать мир и «воплощать» результаты этого познания в творчестве. Особенности воплощения мотива пути в этот период творчества проявляются в статичности и фрагментарности образов. Вероятно, сказалась позиция Волошина по отношению к окружающему миру, сформулированная им позже в автобиографии: «В эти годы – я только впитывающая губ-

ка, я весь – глаза, весь – уши» [4, с. 223]. Даже двигаясь, поэт остается только созерцателем. Цельным и гармоничным является мир умозрительный, мир отраженный. В стихотворении «В вагоне» (1901) вереница беглых хаотичных «дорожных» впечатлений путешественника не создает сколь-нибудь выразительной картины реальной поездки, обобщенный и цельный образ далекой родины возникает в сознании поэта. Такую же позицию лирического субъекта-наблюдателя можно обнаружить в стихотворении «По ночам, когда в тумане...» (1903). Для большинства стихотворений данного периода характерен такой субъект высказывания, как *лирическое «я»*. Именно такой субъект позволяет Волошину реализовать заявленную поэтическую декларацию, когда лирическая личность «существует как форма авторского сознания, в которой преломляются темы <...>, но не существует в качестве самостоятельной темы» [5, с. 165].

Параллельно с мотивом пути в лирике рассматриваемого периода появляется мотив отчуждения, который наиболее ярко проявился в стихотворении «Таиах» (цикл «Amorі amara sacrum»): «Ты ведь знала: я – Прохожий, // Близкий всем, всему чужой» (1905). В последующих стихах мотив отчуждения явлен в образах изгнанников и скитальцев. В стихотворении «Вослед» (1906) это образ Антигоны и Эдипа, в цикле «Киммерийские сумерки» – образ Одиссея. В венке сонетов «Corona Astralis» (1909) мотив изгнанничества звучит особенно ярко, Волошин причисляет и себя к этому обобщенному образу поэта-скитальца. Его внутреннее «я» становится собственно темой и на авансцену лирики Волошина постепенно выходит такой субъект, как *лирический герой*. Это обусловлено и осознанием личностной самобытности, любовными переживаниями этих лет. Этот период в жизни и творчестве Волошина был периодом «блужданий» по мистическим дорогам оккультизма. Примечательно, что для данного периода творчества удельный вес таких субъектов, как лирический повествователь и особенно герой ролевой лирики, незначителен по отношению к двум, обозначенным выше.

В цикле «Киммерийские сумерки» появляется образ лирического субъекта - выразителя нового авторского сознания. С точки зрения субъектного статуса – это *лирический герой*, но он другой. В этом цикле личностная позиция Волошина-поэта определенно уже не позиция отстраненного созерцателя, а это состояние, которое нашло выражение в емкой формуле: «Все во мне, и я во всех» (явно отсылающей нас к стихотворению Тютчева «Тени сизые смешались...», к его известному – «Все во мне, и я во всем...»). Переживания лирического героя, в отличие от его предшественника 1900-х годов, наполнены конкретно-чувственным восприятием мира, *мотив пути, дороги обретает «земную» конкретность*. Суровая нагота пейзажей восточного Крыма оказывается созвучной не только душе поэта, он как будто сам телесно вобрал в себя Киммерию, которую он считал своей духовной родиной: «Я сам – твои глаза <...>, я сам – уста твои...» («Польнь»). Коктебель с его историко-культурным прошлым и настоящим входит в творчество и реальную жизнь поэта (пешие прогулки, живопись, строительство дома). Это слияние запечатлено в строках стихотворения «Коктебель» (книга стихов «Selva oscura»). Интересно, что в этих двух стихотворных циклах мы находим *образ поэта-странника, идущего не только по реальной земле части восточного Крыма, но и свершающего путь по культурно-историческим ее вехам*. Так, в стихотворении «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...» образ родной для поэта земли, личные душевные переживания даются сквозь призму гомеровского мифа о Киммерии. Для лирики Волошина периода цикла «Киммерийские сумерки», книги стихов «Алтари в пустыне» становится характерным наличие единого контекста символов мировой культуры, посредством которых преломляется образ мира в отдельных стихотворениях. Этот контекст станет неотъемлемой частью творчества последующих лет. Позже родится книга стихов «Путями Каина», в которой путь европейской культуры предстанет как трагедия материальной культуры, самоубийственный путь.

К своим главным книгам «Неопалимая купина» и «Путями Каина» (1920-е годы Волошин считал наиболее плодотворными «как в смысле качества, так и количества написанного») поэт пришел с совершенно определенной установкой: «В смутах усобиц и войн постигать целокупность. // Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих. // Зритель захвачен игрой – ты не актер и не зритель, // Ты соучастник судьбы, раскрываю-

щей замысел драмы...» («Доблесть поэта. Поэту революции»). В книгах перед нами предстает лирический субъект, вписанный не только в конкретно-историческое пространство, но и ретроспективно-историческое. Мотив пути в этот период творчества перерастает в основную тему. Возникают *книги стихотворений не только о культурно-историческом пути России, но и всей Европы*. Реализация такого масштабного замысла потребовала от Волошина поисков нового субъекта высказывания. Проанализировав все стихотворения данных книг, мы увидели, что наряду с лирическим героем Волошин активно использует *лирического повествователя*, который преобладает в качестве лирического субъекта. Поэтому у читателя и возникает ощущение эпического полотна изображения, а субъект, которому принадлежит высказывание, ассоциируется с нарратором в эпическом произведении. В некоторых стихотворениях можно обнаружить совмещение субъектных сфер: присутствие и лирического повествователя, и лирического героя. Такое совмещение, вероятно, обусловлено следующим ощущением поэта: «Как будто бы во мне самом легла // Бескрайняя и тусклая равнина...» (поэма «Россия»).

Кроме того, в стихотворениях Волошина двадцатых годов в субъектной сфере лирики активен и *ролевой герой*. Читатель слышит монологи убиенного царевича Димитрия, головы растерзанной толпой madam de Lamballe, Ангела мщенья, Стеньки Разина, «Руси гулящей», протопопа Аввакума, святого Франциска, Богоматери, Бога Отца, Бога Сына, бунтовщика, византийского религиозного писателя Иоанна Лествичника, инока Епифания. Возникает некий полилог, в который вовлечен и читатель. Поэт ощущает себя летописцем. «Кто передаст потомкам нашу повесть?» - вопрошает он в первой строке стихотворения «Потомкам» и берет на себя эту миссию.

Заключение. Постижение исторических катаклизмов изменяет все: и предмет поэзии Волошина, и облик лирического субъекта, прежде более сосредоточенного на внутреннем мире, на «этапах блуждания» собственного духа, и стилевой строй произведений. Мировая война и революция определили в поэзии Волошина пафос гражданственности, тягу к эпичности, монументальности, торжественности, а масштаб его личности позволил в публицистике (очерки «Пророки и мстители», «Заметки 1917 года», «Россия распятая») и поэзии осмыслить закономерности исторического развития, пути не только России, но и Европы в их взаимовлияниях. Эволюция творческого сознания потребовала эволюции поэтики. Она очевидна на примере субъектной сферы, которая двигалась от лирического «я» к лирическому повествователю и ролевому герою.

Список литературы

1. Пинаев, С.М. Максимилиан Волошин, или себя забывший бог / Пинаев С.М. – М., 2005. – 189 с.
2. Бройтман, С.Н. Три концепции лирики: проблема субъектной структуры / Бройтман С.Н. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1995. – № 1.
3. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. – Т. 1. – М., 2004. – 512 с.
4. Волошин, М.А. Коктебельские берега: Поэзия. Рисунки. Акварели. Статьи / М.А. Волошин. – Симферополь: Таврия, 1990. – 244 с.
5. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – Л., 1974. – 407 с.

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРЫ RPG (по мотивам ролевых игр)

В.В. Шумко

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Традиционно определимся с терминологией. ЛитRPG – расшифровывается как литература по мотивам ролевых игр. В некотором смысле, это разновидность игровой новеллизации, включающая литературное описание преимущественно компьютерной игры либо имитирующая ее прохождение. Критическая масса данной разновидности фантастики достигнута несколько лет назад (к 2012 году), и, в связи с активным развитием виртуальной сферы в нашей жизни, мы в праве говорить о формировании мощного литератур-